

Щипкова Татьяна Николаевна

07.02.1930 - 11.07.2009

11 июля 2009 года на 80-м году жизни скончалась Татьяна Николаевна Щипкова, участница религиозного движения 70-х годов, кандидат филологических наук, преподаватель Смоленского педагогического института. Татьяна Николаевна Щипкова родилась 7 февраля 1930 года в Алтайском крае, в городе Рубцовске. В том же году её родители переехали в Ленинград. Жили в Лесном в домах политехнического института. Начальная школа, затем блокада, потеря близких. Очень радовалась, узнав, что на месте блокадного крематория будет построен храм...

В 1953 году Татьяна Николаевна окончила ленинградский университет по специальности "романская филология". По распределению работала учительницей французского и русского языков в молдавской сельской школе. В 1958 году поступила в аспирантуру Института иностранных языков РАН, по окончании которой была приглашена преподавателем на факультет иностранных языков Смоленского педагогического института. Преподавала латынь, читала курсы по теоретической грамматике и истории французского языка. Защитила кандидатскую диссертацию по истории старо-румынского языка. Материалом для научного исследования служили средневековые переводы Священного Писания на румынский язык. Библия и иконы, перешедшие по наследству от деда-священника – барнаульского клирика Дионисия Щипкова, служившего в знаменитой Алтайской миссии, всегда бережно хранились в доме, но реальное воцерковление пришло в 70-е годы, когда Татьяна Николаевна познакомилась со священником Дмитрием Дудко и кругом его духовных чад. На своих лекциях Татьяна Николаевна рассказывала студентам о Евангелии, о влиянии христианства на культуру и историю, о том, что Христос – не выдумка, а реальный человек, почему Бог нужно писать с большой буквы.

В 1978 году в смоленской квартире Татьяны Николаевны молодые православные интеллигенты, многие из которых ранее были её студентами, попытались напечатать самиздатский православный журнал "Община". Эта попытка была пресечена властями. Она была уволена с работы и лишена учёной степени. В 1979 году против неё было сфабриковано уникальное уголовное дело: её обвинили в умышленном избиении двадцатилетнего дружинника, который вместе с милицией принимал участие в обыске одной из московских квартир, где находилась Татьяна Щипкова. Дружинник силой пытался вырвать у Татьяны Николаевны из рук её записную книжку. Она сопротивлялась. Рассвирепевший дружинник, оказавшийся впоследствии мастером спорта по борьбе, применил болевой приём, забрал книжку. Суд состоялся в Ленинском райсуде города Москвы в Рождественский сочельник 6 января 1980 года. Сопротивление Щипковой представителю власти было оценено в три года лагерей по второй части 206-ой статьи (заранее спланированное злостное хулиганство). Во время суда случился сильнейший приступ глаукомы. Трёхмесячный этап от Москвы до Уссурийска, повторяющиеся приступы и запрет на применение лекарственных препаратов грозили полной слепотой. Бог миловал.

В уссурийском лагере, самая граница с Китаем, Татьяна Николаевна работала на швейном производстве и занималась воспитанием и образованием уголовниц, большая часть которых состояла из молодых девушек. Она учила их французскому языку, читала с ними Чехова, по памяти составляла рукописные сборники любовной лирики, знакомя с Лермонтовым, Ахматовой, Кольцовым, Пастернаком. Вся эта лагерная "школа" существовала подпольно, но ни одна зечка не выдала "учительницу из Москвы". Лагерное начальство просило "не заниматься проповедью", да разве это проповедь – кому молитву Ефрема Сирина продиктовать, кому "что-нибудь о здоровье деток", особенно первого сентября – день самых обильных слёз в женских лагерях...

После освобождения в 1983 году – запрет на жительство в родном Ленинграде. Без прописки, без работы – грозил новый срок за тунеядство. Больше года Татьяна Николаевна жила на нелегальном положении, скрывалась по квартирам в Ленинграде, затем знакомые священники спрятали её на псковщине.

Начало перестройки облегчило жизнь. Приняли на работу вахтером. Можно было открыто идти по Литейному в любимый Спасо-Преображенский собор, зайти в булочную как любой свободный человек, купить билеты в филармонию. У свободы свой вкус – вкус хлеба и музыки. Но главное – ученики. Опять появились ученики: кому помочь двойки исправить, кому – в университет поступить.

А с 1991 пригласили преподавать в гуманитарную школу, где Татьяна Николаевна проработала до 77 лет. Ежегодно к Рождеству и Пасхе она писала для внуков очередную детскую пьеску, в которой добро обязательно побеждает зло. Переводы романов Леона Блуа, четырехтомный учебник французского языка для гуманитарных школ, да лагерные воспоминания, написанные в Ленинграде вскоре после освобождения, так и лежат в нижнем ящике рабочего стола немногословной учительницы, многие ученики которой даже не подозревали, что французской грамматике их обучала по-настоящему героическая русская женщина, отстаивавшая своё право быть христианкой, быть свободной.

Андрей Митрофанов, кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, докторант Лувенского университета

К девятому дню со дня кончины Татьяны Николаевны Щипковой:

В христианском богословии с первых веков существования земной Церкви присутствует такое явление как опыт инкультурации. Это непривычное для русского слуха наименование означает вхождение в иную культуру и в стихию иного языка для того, чтобы при помощи средств воспринятого языка и в категориях познаваемой культуры свидетельствовать об универсальной и вселенской истине. Выдающимся примером реализации подобного опыта

является научная и педагогическая деятельность Татьяны Николаевны. Мне довелось учиться у Татьяны Николаевны на протяжении трех лет в старших классах школы при Санкт-Петербургском Институте богословия и философии. Могу сказать без преувеличения, что этот период наложил серьезный отпечаток на всю мою дальнейшую учебную и научную деятельность. Уже первая встреча, знакомство с Татьяной Николаевной произвели на меня неизгладимое впечатление.

Жарким майским днем 1996 года, когда последний весенний месяц близился уже к своему завершению, я пришел в памятный для каждого петербуржца дом номер 7 на набережной Обводного Канала. В этом доме, который был некогда зданием Санкт-Петербургской Императорской Духовной Академии, в северном флигеле располагался Институт богословия и философии. При нем существовали старшие гуманитарные классы, в которые я собирался подавать документы. Классы привлекали тем, что в них, как мне рассказывали старшие сверстники, сочеталось преподавание классических дисциплин: древних языков и философии с подлинно христианской и творческой атмосферой повседневного культурного общения. Я вошел в аудиторию с большими окнами, в которой проходило собеседование: аудитория была заполнена преподавателями Института и гуманитарных классов. Собеседование заключалось в том, что каждый "кандидат" в учащиеся этих гуманитарных классов должен был изложить цель своего прихода, рассказать о своих интересах и творческих предпочтениях, а также ответить на вопросы отдельных преподавателей. В общем, я всегда любил вести беседы с учителями на различные исторические темы, даже спорить с ними, однако ограниченность во времени и сумбурность вопросов не оставляли места для подробного разговора с преподавательским составом, который мог бы позволить мне в полной мере почувствовать атмосферу нового учебного заведения. Ответив на краткие вопросы директора гуманитарных классов, Сергея Исаевича, обменявшись несколькими фразами об инквизиции с преподавателем истории, Юрием Алексеевичем, я уже думал, что собеседование завершилось, и таким же точно образом легко и беззаботно будет проходить все мое дальнейшее обучение. Однако в конце собеседования совершенно неожиданно ко мне обратилась преподаватель французского языка, и я сразу почувствовал, насколько поверхностно и облегченно я представлял себе доселе обучение гуманитарному знанию. Татьяна Николаевна задала мне только один вопрос: "В наших классах особое внимание уделяется изучению языков. Готовы ли Вы осуществлять каждодневную черновую работу, необходимую для освоения иностранного языка, делать упражнения, писать контрольные и заучивать грамматические парадигмы?" Вопрос Татьяны Николаевны почему-то сразу заставил меня проникнуться уважением к тому заведению, в стены которого я поступал. Ни разу еще я не слышал, чтобы кто-либо из учителей спрашивал учащихся о том, готовы ли они лично заниматься тем или иным предметом, тем более языками. В учебных заведениях, в которых мне доводилось учиться прежде, подобного вопроса никогда не задавали. Языки (а точнее один язык – английский) во всех школах, где я учился ранее, вели по привычке из ряда вон плохо, никто даже не пытался пробудить какой бы то ни было интерес к изучаемому предмету. Чаще всего учителя моих прежних школ и сами не знали, зачем они ведут тот или иной предмет, каков его смысл, отделиваясь, на сей счет различными бессодержательными рассуждениями о пользе знания. Услышав вопрос Татьяны Николаевны, я сразу почувствовал поразительное доверие к себе – еще подростку, и вместе с тем осознал некое еще таинственное, но несомненное значение французского языка для меня лично, и для моих внутренних устремлений. Воодушевленный таким серьезным отношением, я сразу же ответил, что готов, и был зачислен.

Уже первые занятия французским языком, которые вела Татьяна Николаевна, всецело захватили меня, завладели моим сознанием. Прежде всего, Татьяна Николаевна находила всегда удивительно точные и верные слова для того, чтобы объяснить, раскрыть содержание французских слов и грамматических форм. Ясное представление об изучаемом предмете стимулировало дальнейший интерес. Каждое занятие мы узнавали что-то новое, постепенно без суетной спешки обогащали свой словарный запас. Вместе с тем, Татьяна Николаевна уделяла внимание всем своим ученикам в отдельности, проявляла внимание к личности учащегося с тем, чтобы внушить необходимую для любого занятия личную причастность к рассматриваемому материалу. С особой благодарностью мне хотелось бы вспомнить в высшей степени интересные занятия, которые Татьяна Николаевна провела для меня, уделив мне время, перед моим поступлением в университет.

Подробно разбирая отдельные грамматические формы, усваивая новые слова, мы имели возможность благодаря вниманию Татьяны Николаевны постепенно постигать то, чем же все-таки является французский язык лично для каждого из нас. С этой точки зрения можно сказать, что метод Татьяны Николаевны представлял собой органичное развитие того отношения к изучаемому языку, которое было характерно для дореволюционной российской филологической школы. Это отношение предполагало восприятие языка через осознание внутренней логики его развития и через интуитивное приобщение к тому культурному пространству, которое сформировано изучаемым языком. Иными словами, изучение грамматики и лексики французского языка происходило при помощи упоминавшейся выше инкультурации, при помощи вхождения в языковую культуру. В самом деле, когда мы анализировали под руководством Татьяны Николаевны те или иные грамматические конструкции, мы неизменно обращались к литературным памятникам французского языка, которые делали для нас этот язык живым. Когда мы читали рассказы Мопассана, перед нами представляли овеянные трагизмом и опустошением франко-прусской войны – этого логического следствия революции 1789-92 гг. – пейзажи Иль-де-Франс. Когда мы открывали произведения Стендала и Мериме, нас пленяли образы невостребованных жизнью героев, подобных античным персонажам, сошедшим с картин Давида и Жерико, – героев, которые, однако, были обречены влачить жалкое и пустое существование среди внешнего бытового благополучия после того, как сошел в могилу тот, кто своей треугольной шляпой и серым походным сюртуком двадцать лет повергал в оцепенение Старый Свет. Когда мы беседовали о религиозных войнах, ужас противостояния между христианами XVI века, тени герцога де Гиза, коннетабля де Монморанси и Гаспара де Колиньи как будто незримо слетались к окнам нашей аудитории и смотрели в них сквозь дождевую пелену. Экскурсы Жака Ле Гоффа в историю французского рыцарства и описание чина посвящения в рыцари становились для нас живыми и яркими, благодаря глубоким комментариям Татьяны Николаевны. Татьяна Николаевна представала перед нами не только непосредственной носительницей французского языка, но также носительницей французской, и даже в более широком смысле, романской культуры, как бы передавая нам духовный дар, оставленный лично для нас Хлодвигом и Людовиком Святым, Жанной д'Арк и Бланкой Кастильской.

Это живое культурное свидетельство, этот дар прекрасной Франции приобретал для нас особенную ценность еще и потому, что его передача и восприятие было выстрадано тем опытом – опытом борения за истину, исповедания истины, – о котором нам рассказывала Татьяна Николаевна во время перемен или пауз в занятиях. Опыт страдания за правду Божию, к которому приобщилась Татьяна Николаевна, был для нас – пятнадцатилетних подростков, живым, экзистенциальным символом того, что рыцарские добродетели, о которых мы читали вместе с ней в повествованиях о Жанне д'Арк, могут воплощаться и в наше время в конкретных наших наставниках.

"Франция на лик твой просветленный я еще, еще раз обернусь, И как в омут погружусь бездонный, в дикую мою, родную Русь...", –

писал Николай Гумилев в трагические дни 1917 года. Эти строки поэта чрезвычайно точно характеризуют состояние наших душ, когда мы после чтения Мериме или Гюго спрашивали Татьяну Николаевну о тех лагерных испытаниях, которые ей выпало перенести в советское время в период богоборчества. Особенно поразили меня удивительные воспоминания Татьяны Николаевны о том, как она встретила в лагере с другой заключенной за веру – баптисткой. Воспоминания эти произвели на нас неизгладимое впечатление, прежде всего тем, как единство Церкви Христовой не зависимо от конфессиональных различий между христианами неожиданно проявляет себя именно в критических ситуациях личного апокалипсиса, в момент исповедания веры. Когда Татьяна Николаевна описывала нам то, как ее арестовали, за что ей вынесли приговор, – мы, действительно, становились свидетелями опыта личного христианского исповедничества. Для многих из нас было удивительно, что это исповедничество происходило не в первые века христианской истории, а совсем недавно, за какие-то несколько лет до нашего рождения. То

обстоятельство, как Татьяна Николаевна делилась с нами своим жизненным опытом, восхищало нас, и мы, сидя за партами, слушали, затаив дыхание. Ответы Татьяны Николаевны на наши вопросы, касавшиеся ее жизни и ее лагерного опыта были, очень простыми, ясными, лишенными эмоций, но наполненными поразительной духовной силой.

Для нас, совсем еще юных слушателей, было очевидно, что та благородная рыцарственность духа, которая вызывала в наших сердцах образы Жаны д'Арк и маркизы де Боншан и которая явственно предстала перед нами в лице Татьяны Николаевны, была всегда неизменной. Она была всегда одной и той же и в классе за учительским столом, и в лагерьном бараке, среди уголовниц, которые, воспитанные без малейшего представления о Боге и о Евангелии, обретали в лице Татьяны Николаевны подлинный пример духовного борения за истину Христову.

Благодаря Татьяне Николаевне я приобщился к неисчерпаемому богатству французского языка и культуры. Каждый раз, когда я приезжал в Париж или в какой-либо иной франкоговорящий город, уроки и заветы Татьяны Николаевны выручали меня в самых запутанных и авантюрных ситуациях. Помогали ощутить сердцем дуновение небесного эфира галльской земли. И вместе с тем, именно свидетельство Татьяны Николаевны об истине Христовой, ее стойкость среди житейских испытаний позволили мне осознать в живом опыте общения с ней, что красота и глубина интеллектуального знания и культурного предания реализуются в полной мере только в личной деятельной христианской жизни. В этом заключается сущность того православного церковного опыта, которым одарила меня Татьяна Николаевна и который, я надеюсь, поможет мне во всей своей последующей жизни оставаться ее достойным учеником.

Источники: funeralportal.ru, religare.ru.

